
А.И. ЧИВАРЗИНА

ЦВЕТ В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ БАЛКАНСКИХ СЛАВЯН, АЛБАНЦЕВ И РУМЫН

Символика цвета в обрядах порой имеет первостепенное значение, потому что цвет воздействует на зрительное восприятие и, соответственно, является одним из главных носителей информации. Последние минуты земного пути человека — похороны — не нуждаются в развитой системе цветообозначений. Отсутствие цвета или его скудость — тоже знак, этим маркируется противопоставление другим обрядам, демонстрируется противопоставление повседневной жизни и ее ярким краскам. Траурная гамма подчеркнута редуцирована: все разнообразие спектра сокращается до первой, редко до второй ступени эволюции цвета (Berlin, Kay 1969): когда все цвета делятся на темные и светлые, холодные и теплые, когда посмертный мрак («тот свет») противопоставлен солнечному свету этого мира. Даже эти два-три базовых цвета используются сдержанно, они появляются как обозначения ритуальных предметов и могут находить отражение в речевых формулах. Чтобы описать символику цветообозначений в похоронно-поминальном комплексе, требуется рассмотрение смежных обрядов (поминовение, колядование «по мертвому», гадания на смерть) и разных устных жанров, отсылающих к теме смерти (тексты причитаний, непосредственно используемые в похоронном обряде, народные песни, устойчивые выражения). Интересный материал дают народные поверья, а также наименования некоторых реалий или действий, связанных со смертью.

Погребально-поминальный комплекс включает непосредственно погребение и отпевание, а также сопутствующие действия по подготовке тела, подготовке гроба и могилы, поминальную трапезу, запреты, предписания и т. д. Общие и частные черты традиций балканских славян и албанцев достаточно близки друг другу по причине длительного конвергентного развития соседствующих культур. Румынская похоронная

обрядность выделяется на фоне общебалканской своим богатством, разнообразием ритуалов и особой атрибутикой. В этой связи в статье предлагается сравнить балканославянскую традицию с неславянскими — албанской и румынской, традициями народов, обрамляющих территорию расселения балканских славян и вместе с ними создающих балканский культурный ландшафт.

1. На Балканах траурной гаммой является сочетание черного с белым (Токарев 1946: 209), при этом черный выступает основным цветом траура, воплощая горе и смерть. Это подтвердили и наши собственные записи в северо-восточной Македонии. Так, в селе Стрезовце (Македония) было записано поверье, что Богородица ходит в черных одеждах в знак траура по Сыну (соб. зап. 2018). В песнях, отражающих поверья о демонах судьбы, внешнее (одежда) и внутреннее (душевная боль от потери) показано именно в цвете — в македонском языке вдова «чернеет» в горе: *што ти било наречено, / кога ти си се родило, / од пустите наречници / за да останеш вдоица / и да умреш поцрнета* [что тебе предрекли, / когда ты родилась, / проклятые наречницы, / чтоб остаться тебе вдовой / и умереть почерневшей] (Китевски 1997: 223). На примере сербских народных песен видно, что весь дом окрашивается в черный цвет от горя: мать узнает о смерти обоих сыновей и *оцрни ojaђену кулу и затвори од куле прозоре, на ту кука три године дана* [почернила печальную башню и затворила в башне окна, и там плакала три года] (Ђорђевић 2002: 362–363).

В албанском языке семантика данного цвета в качестве траурного прослеживается в лексеме *zilja* ‘траур’, *zezal* ‘одежда темного цвета пожилых людей; траурные одежды’ и в выражении *mbaj zi* ‘носить траур’ (от прил. *i zi / e zezë* ‘черный/черная’). В румынском языке встречается образное название траура *cernitură* (букв. «чернота») от слав. **čьrnъ*. Отрицательная семантика черного цвета отражена в македонской фразеологии: *църни ризик* ‘черная судьба’ встречается в причитаниях сироты. Примером метафорического переноса может служить название ада, встречающееся в болгарских и албанских диалектах: родоп. *katrân*’ (МДАБЯ 2005: 206), родоп. *катран* (Плотникова 2009: 45), *у катрањо*, *у казањо* [в аду, букв. «в аду, в казане»] (Узенёва 2001: 144) и диал. алб. *katran-i* (Ермолин 2011: 48) от тур. *katran* ‘смола’, а также субстантивированное прилагательное алб. *të zitë* (букв. «черные»), использующееся в проклятиях и пожеланиях собеседнику отправиться в ад.

Черный цвет является главным не только в одежде родственников умершего или людей, пришедших проститься на похороны. Так, в Рожаях (Черногория) в случае смерти единственного сына говорят, что дом угас (*угаси се кућа*), и на крышу выставляют черное знамя (Ђорђевић 2002: 380). А у албанцев Буджука принято сразу после

констатации смерти родственника вывешивать на ворота лоскут черной ткани, который остается висеть там до выноса гроба за пределы двора (Ермолин 2011: 52).

2. Черному цвету смерти противостоит белый, символизирующий солнечный свет этого мира и жизнь в целом. Если траур родственников маркируется деталями черного цвета в одежде, то сам покойный обряжается в белый саван, готовясь к переходу в иной мир, чтобы предстать пред Богом в белых смертных одеждах. В стране Скрапар (Албания) белым платком накрывают лицо человека, умершего в зрелом возрасте (Ермолин 2011: 53, 61). В этом использовании белого цвета прослеживается семантика его как чистого, светлого, безгрешного, тем самым эти качества переносятся на душу умершего. В селе Ярменовци (Сербия) семантика чистого лежит в основе выбора поминальной жертвы. Животное (овцу или барана) режут за душу умершего (*подушни, души брав, душно*), и, следовательно, оно должно быть «белым, как ангел», и в с. Стрновац (Македония): *ако колиме наше, не од пазарот, тогаши бираме бело јагне* [если закальваем своего, не с рынка, то выбираем белого ягненка] (Плотникова 2004а: 192; соб. зап. 2018).

В причитаниях по усопшему, в народных песнях, затрагивающих тему смерти, в речевых формулах окказиональных обрядов, сопутствующих похоронам, белый цвет присутствует в устойчивых выражениях, таких как: *бел свет, по бела виделина* в значении ‘на земле, среди людей’, *ditë e bardhë* ‘белый день’. В импровизированных песнях-причитаниях по усопшему: *девет години татко и мајка жалеа*, <...> *на бел свет не се јавија, / тенка Калина жалеа* [девять лет отец с матерью печалились, <...> на люди не показывались, / стройную Калину оплакивали] (РМНП 1983: 92); *Мамо m'i këpute krahë, digjem birë, mbërzitem, / Deshe të rone, birë, një ditë të bardhë* [Мама, у меня опустили руки, горю, сын, тоскую, / Хотела прожить, сын, один белый день] (Ермолин 2011: 250–251). У болгар Румынии в селе Былень-Сырбь выражение *белия свет* означает «тот свет», т. е. безгрешный, лучший мир¹. Румынский материал не дает непосредственного примера употребления лексемы цветообозначения, но в причитаниях отражен культ солнца и солнечного света: *Zorilor, Zorilor, / Voi, surorilor, / Să nu zoriți / Să mi-l putreziți / Până ș-or găti / O căsuță nouă, / Cu trei fierestuici...* [Зори, Зори, / Вы, сестры, / Не рассветайте, / Чтобы ему у меня не истлеть, / Пока не готов / новый короб / с тремя стенами], как и название иного мира — *lumea de věci* (букв. «свет вечности») (Голант, Плотникова 2012: 409; Pliin-Grozoiu 2016: 98, 100).

1 Устное сообщение О.В. Трефиловой.

Реликты белого траура связаны с защитной, апотропеической функцией этого цвета в похоронной обрядности: белый надевают, чтобы дети рождались здоровыми и сильными, чтобы вдова вновь могла выйти замуж, чтобы умерший мог видеть на том свете — «чтобы у него не было темно в глазах» (Толстой 1995б: 192–193). Реликты белого траура можно отметить в предметном коде похоронного обряда: Х. Вакарелски фиксирует, что в юго-западной Македонии и в Родопах женщины повязывают белые платки на головы или под подбородок (Вакарелски 1990: 53). В Пиринском крае использовалась белая нить для снятия мерки с покойного, в дальнейшем она применялась для изготовления сорока свечей, предназначенных для дней поминовения (ПК 1980: 414–421). В завершение похорон на могиле танцевали *оро* с белым платком, знаменуя тем победу жизни над смертью: *Станала, си врзала бела крпа, се подбрадила и заиграла. Заиграла и рекла: се ќе прежала, еве бела крпа су си врзала, се ќе прежала, и синови, и ќерки* [Встала она, повязалась белым платком, повязалась и пустилась в пляс. Заплясала и сказала: перестану скорбеть по всем, вот и белый платок себе повязала, всех перестану оплакивать, и сыновей, и дочерей] (Ристески 1999: 92). Белый траур встречается у сербов в Косово и в Метохии, у черногорцев, в Боснии (Толстой 1995: 153; Толстая 2012: 313–314; Вакарелски 1990: 155; Ђорђевић 2002: 347). О некогда более широком распространении белого траура свидетельствуют сербские причитания: *Чуји, Маро, моја ћери драга, / Сад ће твоја умријети мајка, / Нег' чујеш ли, моја ћери драга, / Суви, Маро, црвену кадифу, / А обуци бјелу антерију, / А расплети русу плетеницу, / А прекри се бијелом округом* [Слышишь ли, Мара, моя дочь дорогая, / Сейчас умрет твоя мать, / Слышишь ли, моя дочь дорогая, / Сними, Мара, красное платье, / Да надень белое, / Расплети русую косу, / Да покрой голову белым платком] (Ђорђевић 2002: 347). У албанцев после обмывания тела мыло и гребешок заворачивают в большой белый платок. Все участвующие в похоронном обряде повязывают на левую руку белый платок. Кроме того, положено повязывать белое полотенце на мужской намогильный крест и белый платок — на женский. С появлением похоронных венков на них также стали повязывать белый платок (Ермолин 2011: 59, 92, 103, 108).

Белый цвет солнечного света и жизни противопоставляется темно-му загробному миру. В Македонии было принято возле покойника оставлять переплетенные белую и черную нити — черную закапывали вместе с умершим, а белую хранили в доме как символ жизни (Ристески 1999: 71–72). Интересно в этой связи рассмотреть румынский материал. В румынской культурной традиции принято первую неделю Великого поста называть «черной» (*săptămâna neagră*) — что соотносится с болгарским названием *черна неделя* (Тетевен, Болгария). «Черной» называется также

Фомина неделя, посвященная поминовению усопших (*săptămâna (a) ne-grilor* ‘неделя строго постящихся’, букв. «почерневших»), или *săptămâna cernită* ‘траурная неделя’), и Страстная пятница (*vinerea neagră* ‘черная пятница’) — потому что предусматривает «черный», строгий пост (Кабакова 1989: 41, 47, 68) в память о распятии и смерти Иисуса Христа. Помимо вербального, в предметном коде противопоставление «темного» и «светлого» миров выражается в цвете платков, которые повязывают участникам погребально-поминальных обрядов. В Олтении (Румыния) на похоронах не вступивших в брак молодых людей срубают ель. На само дерево либо на левое плечо несущих его повязывается черный платок в знак того, что ель предназначена для погребения, подчеркивается ее принадлежность загробному миру (Pin-Grozoiu 2014: 173). И наоборот, в Добрудже (Румыния) по просьбе хозяев колядующие исполняли колядки «по мертвому» с повязанными на груди белыми платками. Это особенно показательно, поскольку время колядования совпадает с периодом открытого пространства между «этим» и «тем» мирами. В отличие от традиций соседнего народа, болгар, у которых существовал строгий запрет на колядование после рассвета, — колядование «по мертвому» в румынской Добрудже совершалось именно ранним утром. Таким образом, белый цвет платков маркирует положение колядующих в этом мире (Виноградова 1999: 571; Кабакова 1989: 109).

Реликты белого траура не препятствуют восприятию белого цвета в целом как положительного. Однако в связи с ассоциациями с конкретными одеждами и предметами погребально-поминального комплекса белый цвет может восприниматься как цвет смерти, становясь, таким образом, синонимом черного. По представлениям албанцев Буджука, сон о строительстве нового дома и побелке пророчит скорую смерть. Последнее поверье можно соотнести с локальной болгарской традицией (Огородное, Украина), в соответствии с которой в течение девяти дней с момента смерти человека необходимо заново побелить комнату, где он скончался (Ермолин 2011: 38; Степанов 2003: 495). Сами болгары траурными предвестниками в сновидениях считают белые одежды, напоминающие цвет савана (Вакарелски 1990: 43). В сербских народных преданиях указывается, что смертельные болезни и сама смерть, появляющиеся в персонализированных женских образах, облачены в белые одежды: *иде завјешена бијелом марамом* [идет покрытая белым платком] (Ђорђевић 2002: 356–357).

3. Красный ассоциируется с кровью и, соответственно, с жизнью, выступая контекстуальным синонимом белого. Красная нить эпизодически встречается в похоронном обряде албанцев: шерстяной нитью этого цвета перевязывают букет, который кладут в гроб (Ермолин 2011: 84). В Олтении (Румыния) на поминках принято раздавать яйца именно красного цвета (Pin-Grozoiu 2014: 181).

У македонцев красный, будучи цветом жизни, выступал защитным средством для вдовы или вдовца, обеспечивая возможность заключить новый брак: *ке врзат вута алова напре* [повяжут красный фартук спереди] (Ристески 1999: 87). При необходимости беременным женщинам также разрешалось проститься с умершим при наличии красного лоскута или нитки этого цвета (Толстая 2009: 116; Петреска 2000: 385). В селе Глоговица (Болгария) на сербско-болгарском пограничье, если умирал один из одномесечников (людей, родившихся в один месяц), красной нитью измеряли рост оставшегося в живых. Эту нить потом закапывали в могилу, имитируя его смерть (Узенёва 2004: 332–333).

В Македонии нити красного цвета *гувезинче црвено* (букв. «красненькое красное») клали на губы, в уши, в ноздри умершего, чтобы предотвратить его превращение в вампира (Ристески 1999: 71). С другой стороны, сопоставительный материал свидетельствует, что у сербов-граничар (Шушньево Село) было принято на голову самоубийце надевать красную шапку. В данном случае красный выступает как апотропеическое средство для живых. Этим самым ярким цветом маркируется самоубийца и вычеркивается из числа «своих» (Ђорђевић 2002: 383).

Таким образом, черный, белый и красный — это три основных базовых цвета, которые находят отражение в похоронной обрядности. Помимо красного, другие хроматические цвета встречаются эпизодически и непоследовательно.

4. Желтый цвет используется очень редко и чаще выступает контекстуальным синонимом красного и белого: нить на губах умершего может быть желтого цвета (Ристески 1999: 71; ЕМ 1992: 315), т. е. желтый здесь выступает жизнеутверждающим символом. Но желтый также может через ассоциации с болезненным цветом кожи лица, с цветом кожи умершего человека символизировать болезнь и смерть. В обряде откупа близнеца, однодневника или одномесечника используется противопоставление цветов: желтого (цвета болезни) и белого (счастливого): на грудь умершему кладется желтый или белый цветок со словами: *Ја теби жут/бели цвет, а ти мени бели свет!* [Я тебе желтый/белый цветок, а ты мне белый свет!] (Толстой 1995а: 192; Колосова 2002: 264; Плотникова 2004: 533). Таким образом, цвета по определенным характерным коннотациям попадают в группу синонимов, при этом утрачивают значение те признаки, которые позволяют их же противопоставить.

5. Синий цвет в похоронной обрядности на территории расселения македонцев встречается редко. Предполагается, что некоторое время назад в Охриде женщины при трауре использовали синий цвет ткани для платков, но постепенно они сменились белыми (ЕМ 1998: 269). Общеславянский материал свидетельствует, что синий цвет часто выступает синонимом черного в трауре. Синий ассоциируется с мифическими су-

шествами потустороннего мира, используется в апотропеической магии (Белова 2009: 640). У болгар с. Алунишу (Румыния) синий цвет нитей (наряду с белыми и красными) используется при шитье «полотна для глаз» покойнику (Васева 2012: 257).

Зеленый цвет встречается в причитаниях по неженатым парням и незамужним девушкам, отсылая к свадебным обрядам перехода, где этот цвет выступает в значении чего-то опасного для молодых, являясь контекстуальным синонимом черного (Гура 2012: 675–676).

Положительная семантика зеленого цвета присутствует в растительном коде. В Румынии вечнозеленая ель используется на похоронах-свадьбе именно как символ долголетия, бессмертия, продолжения жизни за пределами смерти (Ilin-Grozoiu 2014: 172). На равнинах вместо ели может срубаться другое сакральное дерево — яблоня. Венками из яблони одариваются также колядующие «по мертвому». Последнее находит соответствие и в традиции балканских славян, в частности у болгар и сербов (Ilin-Grozoiu 2014: 174; Ilin-Grozoiu 2016: 101; Кабакова 1989: 109; Агапкина 1994: 90). У славян вдове или вдовцу следует трижды обойти зеленое дерево, чтобы иметь возможность заключить новый брак (Ристески 1999: 88).

Синий и зеленый практически не встречаются в похоронной обрядности албанцев в самой Албании, однако, по свидетельству Д.С. Ермолина, в албанском селе Жовтневое (Украина) памятниками на кладбище служат резные деревянные надгробные доски, окрашенные в зеленый или голубой цвет безотносительно к полу усопшего (Ермолин 2011: 207). Несмотря на отсутствие какого-либо видимого объяснения выбора этих цветов именно зеленый и синий стали использоваться для украшения кладбища.

Как видим, в погребально-поминальной традиции балканских славян и соседних народов — албанцев и румын — система цветообозначений представлена в редуцированном виде: из целого спектра, которым обладает язык с богатой системой цветообозначений, используются только три базовых, относящихся к первым двум ступеням эволюции цвета (Berlin, Kay 1969). Внутри своих групп белый, красный, желтый и черный, синий, зеленый выступают взаимозаменяемыми синонимами.

Присутствие именно цветов первых ступеней эволюции, т. е. черного, белого и красного, отмечается и самими носителями культурных традиций: у албанцев северной Албании и Косова принято делить виды смерти по этим трем цветам, фиксируя их основную семантику в лексемах, именующих смерть: «белая смерть» — по старости или болезни, потому что предполагает естественный ход вещей; «красная смерть» — на войне или вследствие убийства, приводящего к кровной мести; «черная смерть» — смерть по другим причинам (Ahmetaj 2009: 114).

Интересной представляется точка зрения, что белый цвет символически соотносится с рождением и детством как самым чистым и светлым периодом в жизни человека, красный связывается с кульминацией жизни, со свадьбой, с периодом полноты жизненных сил и красок, черный цвет — со старостью и смертью (Ермолин 2011: 85). К последней черте человеком уже пройдены все этапы жизненного пути, и наличие трех глубоко символических цветов маркирует похороны как конец этого пути.

Литература и источники

Агапкина 1994 — *Агапкина Т.А.* Южнославянские поверья и обряды, связанные с плодовыми деревьями, в общеславянской перспективе // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 84–110.

Белова 2009 — *Белова О.В.* Синий цвет // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. 4 (П–С). С. 640–641.

Вакарелски 1990 — *Вакарелски Х.* Български погребални обичаи. Сравнително изучаване. София, 1990.

Васева 2012 — *Васева В.* Погребальный обряд болгар Румынии (полевые наблюдения 90-х гг. XX века) // Карпато-балканский диалектный ландшафт. М., 2012. Вып. 2. Язык и культура: 2009–2011. С. 248–269.

Виноградова 1999 — *Виноградова Л.Н.* Колядование // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2 (Д–К). С. 570–575.

Голант, Плотникова 2012 — *Голант Н.Г., Плотникова А.А.* Этнолингвистические материалы из Мунтении (округ Бузэу, села коммун Мерей, Мынзэлешть, Пьетроаселе, Скорцоаса) // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Вып. 2. Язык и культура: 2009–2011. М., 2012. С. 365–427.

Гура 2012 — *Гура А.В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М., 2012.

ЕМ 1992 — *Етнография на Македонија. Извори и материали в два тома.* София, 1992. Т. 2.

ЕМ 1998 — *Извори за българската етнография. Етнография на Македонија. Материали од архивното наследство.* София, 1998. Т. 3.

Ермолин 2011 — *Ермолин Д.С.* Погребально-поминальная обрядность албанцев Буджука и Приазовья (вторая половина XIX — начало XXI вв.): дис. ... кандидата исторических наук. СПб., 2011.

Кабакова 1989 — *Кабакова Г.И.* Терминология восточнороманской календарной обрядности в сопоставлении со славянской: дис. ... кандидата филологических наук. М., 1989.

Китевски 1997 — *Китевски М.* Македонска народна лирика. Обредни песни. Скопје, 1997.

Колосова 2002 — Колосова В.Б. Цвет как признак, формирующий символический образ растений // Признаковое пространство культуры. М., 2002.

МДАБЯ 2005 — Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. I. Лексика духовной культуры / Под ред. А.Н. Соболева. München, 2005.

Петреска 2000 — Петреска В. Семейниот обреден комплекс во Куманово и Кумановско // Фолклорот во Куманово и Кумановско. Куманово, 2000. С. 315–398.

ПК 1980 — Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучавања. Софија, 1980.

Плотникова 2004 — Плотникова А.А. «Одномесячници», «Одnodневници» // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3 (К–П). С. 533–534.

Плотникова 2004а — Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

Плотникова 2009 — Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 2009.

Ристески 1999 — Ристески Л.С. Посмртниот обреден комплекс во традициската култура на Мариово. Прилеп, 1999.

РМНП 1983 — Речник на македонската народна поезија. Скопје, 1983. Т. 1.

Соб. зап. 2018 — Собственные записи. Экспедиция в северную Македонию, район Куманово, 2018 г.

Степанов 2003 — Степанов В.П. Похоронно-поминальная обрядность // Чийшія: Нариси історії та етнографії болгарського села Городне в Бессарабії. Одеса, 2003. С. 492–527.

Токарев 1946 — Токарев С.А. Этнографические наблюдения в балканских странах // Советская этнография. 1946. № 2. С. 200–210.

Толстая 2009 — Толстая С.М. Покойник // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. 4 (П–С). С. 112–118.

Толстая 2012 — Толстая С.М. Траур // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2012. Т. 5 (С–Я). С. 312–317.

Толстой 1995 — Толстой Н.И. Белый цвет // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1 (А–Г). С. 151–154.

Толстой 1995а — Толстой Н.И. Близнецы // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1 (А–Г). С. 191–193.

Толстой 1995б — Толстой Н.И. Глаза и зрение покойников // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 192–193.

Ђорђевић 2002 — Ђорђевић Т.Р. Животни круг: рођење, свадба и смрт у веровањима и обичајима нашег народа. Ниш, 2002.

Узенёва 2001 — *Узенёва Е.С.* Этнолингвистические материалы юго-западной Болгарии (с. Гега, Петричская община, Софийская область) // Исследования по славянской диалектологии. М., 2001. Вып. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. С. 127–151.

Узенёва 2004 — *Узенёва Е.С.* Терминологическая лексика народной духовной культуры с. Глоговица, Трынский край // Исследования по славянской диалектологии. М., 2004. Вып. 10. Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. С. 298–353.

Ahmetaj — *Ahmetaj M.* Doket e lindjes, dasmës dhe të vdekjes në Hogosht. Dardanë, 2009.

Berlin, Kay 1969 — *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: their universality and evolution. Los Angeles, 1969.

Ilin-Grozoiu 2014 — *Ilin-Grozoiu L.* Simbolismul bradului în practicile funerare din Oltenia // Anuarul Inst. de Cercet. Socio-Umane «C.S. Nicolăescu-Plopșor». Craiova, 2014. Vol. 15. P. 169–182.

Ilin-Grozoiu 2016 — *Ilin-Grozoiu L.* Cântecul ritual funerar — expresivitate și semnificații simbolice // Memoria ethnologica. Baia Mare, 2016. № 58–59 (An XVI). P. 94–103.